Наталья Нальянова

УСТРИЦА ВО ЛЬДУ

История первая
из жизни Жанны Фурасьевой

Наталья Нальянова
Устрица во льду

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17191632
ISBN 9785447446185

Аннотация

Несмотря на рутину, Жанна воспринимает мир с юмором. Она решила изменить свою жизнь и сделала это. Какой ценой? Это не так важно. Но это были настоящие приключения! В духе П. Г. Вудхауса и И. Хмелевской.

Содержание

I 5
II 62
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Устрица во льду
История первая из жизни Жанны Фурасьевой

Наталья Александровна Нальянова

© Наталья Александровна Нальянова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

В тот день посетитель появился в моем кабинете вместе с зимними сумерками, которые уже слегка затенили окно.

Он выглядел обыденно, как и наступление сумерек. Худой, жилистый, невозмутимый. Одет без всяких фантазий, аккуратно, но скучно. И в лице ничего примечательного.

Вместо приветствия заявил:

– Вам нужно успокоить свой разум.

– Что вы имеете в виду? – рассеянно поинтересовалась я.

– Разум человека должен быть послушен ему и подчинен его воле как вышколенный пес своему хозяину. Когда разум начинает возмущаться, нужно просто дать ему команду: – «К ноге, сидеть!».

«Что за бред!», – без особого энтузиазма мысленно отреагировала я, и, оторвавшись от монитора, внимательнее взглянула на незваного гостя, пытаясь определить параметры его душевного здоровья.

Что-то с ним было не так. Глаза сияли неестественным блеском, голос нёс мощную энергетическую волну.

– Попробуйте сконцентрировать внимание на любом объекте и удерживайте внимание, не отвлекаясь, – продолжал он.

До меня дошло, что это не непрошеный совет уставшему работнику, окруженному крепостной стеной оргтехники,

а приказ вконец измочаленному человеку, погрязшему в лабиринтах служебных условностей.

Добросовестно освоенное высшее образование по философии и праву приучили меня к другой терминологии, иным правилам:

…Составьте предварительный план на месяц, неделю, день. Выделите приоритетные и неотлагательные проблемы. Сформулируйте задачи, стоящие перед вами и определите средства, необходимые для их решения. Не забывайте подводить итоги, анализируя проделанную работу.

…Соблюдайте деловой этикет, не забывая о психологии общения. Воспринимайте метаязык. Ведите переговоры конструктивно, последовательно, не вовлекаясь эмоционально. Работайте на результат. Берегите свою личность от психологического выгорания. Не допускайте сослуживцев внутрь. Личные отношения неуместны на службе.

…Во внеслужебной сфере – возлюбите ближнего своего как самого себя. Семья – это тыл, где можно укрыться от битвы, называемой жизнью. Дети – это зерно жизни. Муж – глава семьи, ось семейного колеса, ее нужно содержать в порядке. Счастье не в деньгах, но без них нет счастья. Сохраняйте форму, чтобы быть кредитоспособными в брачно-семейных и прочих отношениях…

Правила актуальны, но они… не действуют? Почему я в состоянии, близком к истерике? Стоп, здесь необходима остановка. Требуется обдумать это неприятное открытие.

… – А еще лучше расслабляться в перерывах между делами, – неторопливо продолжал тем временем странный незнакомец. – Вот так…

Он выпрямился, сцепил руки за спиной, расставил ноги, повернулся влево, резко выдохнул и согнулся пополам, припав грудью и головой к левой ноге.

«Прекратите! Я вызову охрану!», – захотелось крикнуть мне. Но ленивое любопытство заставило сдержаться: он висел совсем как тряпичная кукла, перекинутая через натянутую веревку. Из-под куртки у него вывалилась толстая коса из темных с проседью волос и свесилась вниз. Тело являло полную обездвиженность.

«Какой-то специфический вид сумасшествия», – размышляла я.

– Или так, – он переменил позу, разулся, аккуратно подтянув брюки, сел на мой чистый пол и подложил под себя ноги.

Сидел как столб, по-особому сложив пальцы рук на коленях.

Теперь я имела возможность наблюдать за его лицом. Глаза смотрят внутрь, челюсть отвисла, не лицо, а маска.

«Ах, вот оно что! Знакомый миманс. Жаль, битого стекла у меня нет. А то бы аттракцион факира удался вполне», –

подумала я.

– Встаньте, пожалуйста, ко мне могут зайти люди, – вежливо, но строго сказала я.

– Люди? Люди здесь есть и сейчас – мы с вами, – спокойно отреагировал он. – И оттого, что кто-то ещё зайдет, мало что изменится. Вы останетесь такой же зависимой от условностей и несвободной, как и теперь. – Он открыл портфель и протянул мне книгу.

«Патанджали. Йога-сутры», – прочла я на титульном листе.

– Неужели вы думаете, что я буду читать это? – изумилась я. – Да и вообще, что вам нужно? Кто вы такой?!

– Я – Олег Пятков, директор благотворительного фонда «Милосердие». Пришел обсудить совместный проект создания реабилитационного центра для детей с задержкой развития. А книгу вы должны прочесть, потому что вы уже готовы к этому.

Все знают, что мало кому удается отбиться от директоров благотворительных фондов.

Особенно, тех фондов, которые созданы для заботы о бедных детях. Сопротивление таким типам требует не только быстроты реакции, но и специальных навыков.

Поэтому я не стала тратить время на бесполезные диалоги. Проект договора благотворительного пожертвования мы с ним составили быстро и без затей.

Прихватив добычу, он отправился к нашему директору Биркину, чтобы склонить того на подписание договора.

А я навела порядок на своем рабочем месте и, собираясь домой, бросила мусор в корзину. А принесенную посетителем книгу деть было некуда. Я повертела её в руках и отправила в свою замшевую сумку формата А4, украшенную монетками и подвесками из мелких цветных камешков.

С облегчением хлопнув дверью, я резво затрусила сквозь мрак и сырость в направлении дома.

«Куда ты летишь, Жанна? И стоит ли так спешить?» – всплыл неожиданный вопрос в моем сознании. Ответа не нашлось.

Вечера наше семейство проводит тривиально, развалясь на диванах и креслах в приятной близости от плазменной панели с движущимися цветными картинками.

Без телевизора мы бы пропали.

Он объединяет нас в единое целое. Муж под его шумок шелестит газетами и деловыми журналами, я периодически выпархиваю на кухню к «вечному огню», потом холю ногти или вышиваю крестом.

Вышивание помогает мне спокойно воспринимать явные нелепицы ТВ-братии в безуспешных попытках выглядеть неординарно.

А вышиваю я панно. Под моими пальцами постепенно вырисовывается старинный особняк с ведущей к нему камен-

ной лестницей. Взрослое дерево над ним, осыпающее рыжей листвой старый мрамор ступеней.

К дому ведет вымощенная камнем дорожка с полуразрушенными ступеньками. Глядя на эту картину, я чувствую светлую грусть. О чем – не знаю сама.

Двое наших взрослых сынов, обложившись ноутбуками и айфонами, скитаются по миру Интернета, роясь на завалах ненужной и недостоверной информации. Игры, кино, музыку они давно «проехали». Чаты, форумы и блоги им «нахрясли».

Но социальные сети, знакомства и виртуальный флирт, овеянные духом неопределенности, еще как влекут их.

Такие эмоции другие подростки обычно стараются скрывать. Но не наши мальчишки. Они не стесняются нас с мужем. А может – просто не замечают или не придают никакого значения тому, что мы рядом.

Хорошо, что на свидания они ходят вместе. Пока Марк, старший, знакомится с девицами, Максим с притворно-равнодушным видом ошивается поблизости. Или наоборот, Максим кадрит, а Марк держит ситуацию под контролем.

Но чаще девушки сами проявляют инициативу. Братья соглашаются, потому, что уже знают, что на них есть спрос. А почему бы нет? Оба интересны, имеют стойкую привычку ежедневно принимать душ и менять носки. И они все еще целуют меня на ночь.

Моему мужу Мише это все без разницы. Он давно уже измучен тяжелой неволей. У него и на себя времени не хватает. Не то, что на других.

Наш престарелый пес Нордик переваливает свою пятнистую дожачью голову с одних колен на другие и трагическим взором гипнотизирует меня, выпрашивая очередную прогулку или угощение.

Спихнув его голову, я вместо вышивки кладу на колени трофейную книжицу.

Появление Патанджали в нашем доме сенсации не произвело. Так, легкое удивление и сочувственные взгляды моих «тыловиков».

– Жаннулька, ты никак собралась читать эту муть? Ты у нас подустала, – заметил Михаил без отрыва от финансово-экономических новостей.

Обычно он смотрит телевизор, вытянувшись на диване животом кверху. Периодически с головой накрывается «Финансовой газетой» и засыпает, но это не значит, что можно выключить телевизор.

У него очень чуткий сон. Стоит мне обесточить говорящие головы, он тут же просыпается и после этого уже долго не засыпает, переходя от новостей к мистическим триллерам и фэнтези. А я совершенно не переношу кино про уродов.

Поэтому, услышав его мирное похрапывание, я не стала выключать телевизор, а взялась за изучение рекомендованного пособия.

Поначалу дело шло неважно. Книга оказалась ни о чем. В ней не было ни интриги, ни фабулы, ни интересных фактов. Так, небольшой сборник отстраненных замечаний на темы когнитивной деятельности человека, которые автор именует сутрами.

Пролистав его, я обнаружила, что все вместе эти высказывания составляют небольшой конструкт из рекомендаций по правильной организации внешней и внутренней жизни человека. Но все вместе эти рекомендации весьма архаичны и категорически ненаучны.

«Это ведь совсем не то, о чем толковал Пятков», – удивлялась я. И решила все же книгу прочесть.

А день подошёл к концу. Какой-никакой, а он прожит и – слава Богу.

Приняв вечерний душ, я занялась уходом за собой.

Разглядывая себя в большом зеркале в ванной, хотела по привычке полюбоваться стройной фигурой и обаятельным лицом, достоинства которых вытекали не только из принадлежности именно мне.

Мне всегда нравились мое лицо и тело. Я миловидна и стройна, как говорят обо мне окружающие.

Но они ошибаются. Я очаровательна. И дело не в моих

пропорциях. А в том, как они сочетаются именно во мне, давая совершенно неповторимый результат.

Тут я заметила, что сейчас я нравлюсь себе гораздо меньше, чем раньше. И еще бы! Из зеркала на меня хмуро взирала не человеческая личность во всей многогранности ее милых черт, а пустая форма.

Лицо без выражениязеленые глаза без сияния и блеска, некогда роскошная пепельно-русая грива увяла. А точнее, пожухла, и никакие шампуни, маски и бальзамы-кондиционеры не сделают ее богатой шевелюрой.

Под глазами синяки. Кожа имеет оттенок консервированного кабачка прошлогодней засолки. И что это у меня возле глаз? Отёки не отеки, а некая нездоровая припухлость. Почки? Усталость? Или просто уже старость?

А тело? Мое стройное и пропорциональное тело – идеальная клепсидра, оказывается, испещрено следами кабинетной работы. Мышцы начинают терять свою эластичность, а стройность превращается в унылую худобу.

«Случилось грустное чудо», – размышляла я, доставая крем-маску, кремы для век, рук, ног, тела, массажёр, восстановительную систему для лица и другие аксессуары для борьбы с возрастом.

Пристроив на полку возле ванны еще тоник для груди, я решила оказать сопротивление непрошенному грустному чуду. После косметических процедур я надела открытую пижаму с крохотными шортами и уже в спальне еще раз критически оглядела себя в большом зеркале. Несмотря ни на что я всё еще не разонравилась себе. Пока.

На следующий день, отработав в офисе, я обеспечила семейству ужин и снова взялась за Патанджали.

Я так и не знала кто он такой, этот Патанджали. И вообще, мужчина это или женщина. А может это группа единомышленников? В книге не было ни аннотации, ни комментариев, ни введения. Патанджали и все. Издано в США. Интригующая лаконичность.

Через час чтения, меня охватило сильное сомнение, что я смогу дочитать книгу до конца. Хотелось отложить ее и заняться чем-нибудь более приятным. Однако взятое на себя обязательство прочесть ее, держало меня в узде. Почитав еще час, я капитулировала и недовольная тем, как прошел вечер, отправилась готовиться ко сну.

На следующий день явился Пятков и принес мне еще одну книгу. Российский автор просто излагал в ней свой путь к йоге, многолетний опыт ее практики, а также предлагал приобщиться к йоге с помощью уроков выполнения экзоти-

ческих поз – асан.

Эту книгу я прочла быстро и из неё узнала, кто такой, этот Патанджали.

Этот великий человек за шестьсот лет до нашей эры первым сделал записи о йоге в виде сутр.

Что же такое, эта самая йога? Я сто раз слышала о ней, видела этих специфических худосочных атлетов в спортклубе и что-то такое читала.

При этом я понятия не имею о том, что это по сути. Философское учение? Религия? Особая культура? Никто не знает. Определений множество, но они описывают или определяют только отдельные аспекты йоги.

А я не люблю неопределенности. Поэтому для себя условно определила йогу как технологию эффективного проживания человека. Полезная вещь, которой нужно овладеть.

Достав с полки блокнот, я стала делать краткий конспект книги древнего индуса. И мне открылось, что в сутрах имеется смысл!

Однако изучать книгу легче не стало. На обдумывание каждой сутры уходило до десяти минут дорогого свободного времени. И это было лишь поверхностное обдумывание,

только для того, чтобы как-то связать умозаключения и двигаться дальше.

Пришлось смириться с тем, что на изучение этого пособия придётся потратить ещё месяц ежевечернего труда. Это показалось мне заслуженной епитимьей, которую я восприняла серьезно.

На следующий день по пути на работу, сидя в маршрутном такси, двигающемуся по огромному мосту на слиянии двух больших водных артерий, я увидела, что небо над городом – это не просто клочья старой ваты, разбросанные без всякого смысла и вкуса тут и там.

Это что-то иное. Это вдохновляющий простор, и он живет своей самостоятельной жизнью.

Без графиков и расписаний по нему легко и плавно двигались в никуда пуховые округлости румяных облачков.

При этом дизайнер весьма удачно подобрал цветовую палитру фоновой окраски. Никакой грубости и навязчивости в оттенках, только красота и нежность.

Вдали облачка обнимали пушистыми лапками серые ледники застывших вод, накрывали хвойные леса, тянущиеся

по их берегам, а также небольшие пологие взгорья с куполами церквей и разновысокими цветными крышами новых жилых многоэтажек.

Да и сливающиеся водные артерии из акватории превратились в реки. Непринужденно и плавно они изгибали свои тела вокруг разноцветных высоток, лыжного трамплина и гребного канала. Неужели это и вчера было так же живописно?

Тут до меня дошло, что я занимаюсь созерцанием, которое является одним из восьми средств освоения йоги.

Достав из сумки блокнот с конспектом, я еще раз прочла об остальных семи средствах.

Согласно Патанджали, это: самоконтроль, соблюдение религиозных предписаний, йогические позы, регуляция дыхания, отвлечение, концентрация на объекте, сосредоточение.

Не скажу, что все перечисленные средства показались мне приемлемыми, но самоконтроль, концентрация на объекте и сосредоточение, а также и своевременное отвлечение показались мне нужными как воздух.

Следующая далее сутра о самоконтроле стала откровени-

ем.

«Самоконтроль – ненасилие, правдивость, честность, воздержание и неприятие даров, чистота, удовлетворенность, самообучение и преданность Высшему Творцу». Вот так-то. А для меня самоконтроль это пока только способ не сорваться и не наговорить грубостей окружающим.

Не совсем понятно про неприятие даров. Почему же я, например, не должна угоститься тортиком от наших менеджеров, особенно если угощают от души?

И сколько мне придется еще учиться, чтобы усвоить это и жить по таким правилам?

Понятно только, что не учиться этому я теперь не смогу. И я снова уткнулась в свой конспект:

«В Индии принято считать, что человек приходит к йоге не случайно, а заслужив это своими предыдущими воплощениями», – прочла я далее.

Еще неделю назад эта сентенция не вызвала бы у меня даже искры интереса, лишь легкую иронию по поводу «предыдущих воплощений». Теперь же она взволновала моё воображение.

Если поверить в предыдущие и последующие воплощения, то жизнь приобретает совсем другой смысл.

Правда с вопросами веры у меня вообще дело обстоит неважно. Меня воспитывал отец, бывший убежденным безбожником.

И вообще значительную часть юности я провела на улице. А такой суровый опыт учит верить не в высшие силы, а только в себя.

Да и курс религиоведения на юридическом факультете открыл мне, что религиозные постулаты имеют рукотворное происхождение.

Ну и что? Зато я узнала, что картина мира, складывающаяся в глазах человека, относительна и переменчива. И что окружающий мир таков, каким его способна воспринять и отразить психика.

Выйдя из маршрутки, я вдруг ощутила, что стала по-иному видеть улицу, по которой хожу много лет каждое утро.

Магазин косметики «Суар де Пари» теперь не кажется маленьким и скучным, а кафе «Гурман» благоухает не только искусственными ароматами маргариновых пирожных,

но и свежим хлебом.

Или мир за это время стал другим и по-иному воззрился на меня?

Немного поразмыслив, я решила, что это вообще не вопрос. – Конечно же, мир стал другим и становится им ежеминутно, потому что находится в постоянном движении и развитии.

И я, часть его, также нахожусь в движении и развитии. А сейчас я просто ощутила это.

Без высоких слов мое ощущение не описать, а я не люблю патетики. Хотя сегодня почему-то из меня так и прут красивости.

Поэтому я просто тихо шла на работу, наслаждаясь жизнью.

И это не помешало мне купить свежих фруктов и орехов на обед. Отныне никаких пирожков, бутербродов и столовских харчей.

Включив компьютер, я окунулась в работу как исстрадавшийся от жары путник в прохладное озеро. Или как трудоголик, в котором открылось второе дыхание.

Чтобы заполнить паузу пока загружается компьютер, я взяла ручку и стала рисовать.

На листе бумаги появилось характерное лицо человека в котелке и с усами. Вроде Эркюля Пуаро.

Рядом с ним поместился профиль молодой женщины в драной шляпке винтажного вида. Дорисовав хорошенькие сердитые глазки, я опознала Элизу Дулиттл.

Внизу листа разместилась еще старушка в капоте и шали. Дряблые круглые щечки и пустые глаза. Это ещё кто? А вот кто, сообразила я, – маменька Мишеньки Бальзаминова.

Вообще-то с рисованием я покончила ещё в отрочестве, когда мои жизненные интересы вдруг радикально изменились. Теперь же моё уменье вновь заявило о себе.

Правда, на бумагу стали проситься не виды родного города, которые я когда-то любила рисовать на пленэре, а человеческие лица, точнее характеры.

С чего бы это? Кроме того, нарисованные лица вызывали у меня явные ассоциации.

Эркюль Пуаро, естественно, связывался с увлекательностью расследования преступления. Элиза Дулиттл – с чудом

окультуривания человека.

А пожилая дама в капоте и шали – с объективной вредностью растительной жизни и тотального неверия в будущее.

Убирая с рабочего стола свои художества, я задумалась о характерах. И мои мысли перетекли от литературных персонажей на сослуживцев.

Редактируя проект мирового соглашения по судебному спору, я продолжила размышления о своих коллегах – друзьях и врагах.

Это ведь только кажется, что человек огражден стенами своего кабинета от врагов и завистников внутри организации. Просто его враги используют в борьбе с ним другие, «застенные», методы.

Лично я никогда не свожу счетов и не завидую чужим красоте и богатству. Мое мнение о себе таково, что от недостатка этих качеств я не страдаю.

В отношении денег дело обстоит таким образом – мне тоже приходится их считать.

Что касается ума, то его хватает, чтобы решить проблемы

мои собственные, семейные, а часто и моих сослуживцев.

Мне кажется, что я никогда не отказываю людям в их просьбах, не обижаю грубым словом, не обманываю.

Но враги появляются и множатся. Причем они забывают о враждебных чувствах в тех случаях, когда им от меня что-нибудь нужно, получают свое и снова отползают в свой стан, продолжая шипеть о том, что «мы говорим на разных языках».

Я говорю на своем, доступном мне языке и не понимаю, почему должна овладеть и пользоваться каким-то другим. И позволяю себе свободу выбора – с кем идти сегодня обедать, выйти покурить, поехать в командировку, кого пригласить в субботу на кофе.

Я люблю своих сыновей, нормально переношу мужа, выдерживаю с ними психологический контакт, ищу внутреннюю связь.

Мне приятно их обнимать, целовать, ласкать, но от них я тоже не завишу ни морально, ни материально, ни психологически. Так мне кажется.

А если и завишу в чем-то, то все же оставляю за собой

право окончательного выбора в решениях. Как-то так.

Мне хорошо в моем жизненном пространстве.

Хорошо-то, хорошо. Но откуда же эта усталость, кабачковый цвет и нелюбовь сослуживцев? Значит, есть погрешность в расчетах.

А если честно, то мне уже давно не хорошо. И, главным образом, не хорошо из-за того, что всё вокруг мне смертельно надоело, просто обрыдло.

У меня ведь нет никаких новых впечатлений от жизни! Я хожу по кругу, как старая мельничная кляча и кручу скрипучее колесо жизни.

Это и есть мое движение, как «частички бытия». От этого однообразия я просто ослепла – не вижу красок мира.

Оглохла – не понимаю своего мужа, детей и сослуживцев.

О чём это они толкуют? О еде, покупках, учебе, футболе, смартфонах, телевизионных реалити-шоу?

Как же мне себя жалко! Я поглупела и стала косноязычной. В реальной жизни пользуюсь двумя краткими лексиконами – козлиным офисным и примитивным языком для ста-

реющих жен, разлюбивших своих мужей.

А больше я ничего и выразить словами не умею – атрофировалась способность за ненадобностью.

Я просто устрица во льду – ещё совсем свежая, но практически неживая.

Вот и сейчас – я даже объяснить словами не могу, что со мной происходит. Плохо мне – и все. Отчего – неизвестно. Что-то произошло такое, что я сдулась, как продырявленный воздушный шарик.

И где это озеро спокойствия, в которое я погрузилась в начале рабочего дня?

Может быть я заболела? Но у меня ничего не болит и жаловаться врачу не на что. Может быть, меня поразил душевный недуг? Сразил, как кистенем ударил? Интересно, а душевные болезни вирусами передаются? И от кого я подхватила эту заразу?

Конечно, от Пяткова, который мне советовал успокоить свой разум. Я его начала успокаивать, но только растревожила душу, и на меня навалился кризис.

Глянцевые журналы советуют – кризис среднего возрас-

та переживает практически каждый человек и есть масса общих методов в борьбе с кризисными проявлениями.

Про себя я точно могу сказать: кризис ли это – мне неизвестно, но я больше не могу жить так, как раньше. И все.

Но как же мне выйти из своего «безвоздушного» состояния?

Идти к психологу? Ну, приду я к тётеньке или дяденьке в кабинет и что скажу? Что впадаю в истерику от своей жизни?

Сон и аппетит у меня не нарушены. Значит, это не депрессия.

Вероятно он (она) скажет, что это астенический невроз и пропишет мне новопассит. Но я ведь должна разобраться в причинах своего недовольства жизнью.

Придется вспоминать популярные методы борьбы с душевными кризисами и психологической усталостью: здоровый образ жизни с рациональным питанием и оптимальными физическими нагрузками (мышечная радость и сырые соки), шопинг-терапия (куплю это и то и стану еще краше и лучше), переоценка ценностей (уценим молодой максимализм, авось кто-нибудь купит, и на вырученные средства приобретем терпимость и библейскую любовь к ближнему), формирование новых увлечений (клубное общение, вышивание

по схемам, туризм, а лучше всего – выращивание пальм и орхидей в домашних условиях) и так далее.

Увы! Методы я вряд ли смогу попробовать – смысл в любой деятельности имеется при условии, что она хотя бы интересна человеку.

Но ведь есть еще просто приёмы преодоления плохого настроения – «кибернетическая петля» (улыбаешься себе в зеркале и получаешь хорошее настроение в ответ), правильное дыхание по схеме с удлиненным выдохом, кофе с пирожным, шоколад, спонтанный секс в лифте, лесу или в туалете воздушного лайнера, а также в ванной или на корабле, расслабление и медитация. А можно ещё напиться вдрызг.

Я приняла удобную позу в рабочем кресле и расслабилась вся до мельчайших извилин мозга.

Мое тело обмякло, устремилось вниз, отдавшись земному притяжению, и я стала парить, полулежа в кресле.

Пробудил меня решительный стук в дверь.

В кабинет вошёл Артём из отдела маркетинга со стопкой договоров.

Мгновенно проснувшись, я почувствовала себя освеженной, и довольно бодро встретила вал служебных проблем, ни на пядь не отступив перед его натиском.

Я работала без ажитации, и служебного азарта, свойственных мне прежде. Спокойно и сосредоточенно занималась привычным делом.

Обычные подначивания Артёма я просто оставила за кадром.

В делах день прошёл незаметно и без маяты.

По дороге домой я размышляла о том, как мне глубоко фиолетово, что мы будем есть сегодня на ужин: голубцы со сметаной, куриные наггеты с вульгарным картофельным пюре или пельмени «Свиные ушки» с яблочным уксусом и баварской горчицей.

Это все не составляло никакой разницы, потому что одинаково скоропостижно съедалось мужским поголовьем нашей семьи без каких-либо особых комментариев.

И так прошло много лет. С ума сойти! И это называется – жизнь?!

Да, это моя жизнь. Зато я теперь умею расслабляться.

Успокоюсь, помедитирую и что-нибудь придумаю.

Результатом моих размышлений стало твердое решение ежедневно выполнять асаны по методике автора книги, прочитанной накануне.

Достав айфон, я отправила мужу краткую письменную инструкцию о разделении семейных обязанностей впредь.

Вечером, старательно изучив описание йогических поз – асан, я в течение часа добросовестно их выполняла.

Результат превзошел все ожидания. Я устала, выполняя шавасану, заснула прямо на полу и видела сны.

Через три месяца регулярных занятий наступило лето, которое я встретила в спокойном и уравновешенном состоянии духа.

У меня появилось достаточно времени, чтобы заметить и оценить это.

Значительно прибавился ресурс свободного времени за счет возросшей производительности труда, а также за счет того, что большую часть моей домашней работы стали делать члены моей семьи.

Удивительно, ведь раньше я без конца дискутировала с ними о том, что жить, паразитируя на рабском труде женщины, стыдно.

Они же стояли на том, что это нормально и даже хорошо. Приятно, во всяком случае.

А теперь я не спорила. Сидя в удобном кресле, я спокойно рисовала портреты, произвольно слетавшие с моего пера, спокойно разъясняла каждому его обязанности и бесстрастно выслушивала неубедительные жалобы.

Повозмущавшись и пожаловавшись безответно, они принимались за дело, а потом входили во вкус и делали это дело с нарастающим качеством.

На работе у меня вообще образовался огромный запас свободного времени, потому что теперь я делала служебные дела быстро и, доводя до самого конца, чтобы потом не возвращаться к этому.

Обнаружив ресурс времени, я вначале несколько дней поскучала на работе от безделья.

А потом стала читать книги о йоге, а также увлеклась ва-

лютным и фондовым рынками. Не пропадать же от скуки.

Мне всегда было любопытно, откуда берутся деньги, которые зарабатывал Михаил торговлей на фондовом рынке. На мои вопросы он лишь пожимал плечами и насмешливо отвечал: «Из воздуха!».

Своё любопытство я, наконец, удовлетворила, поступив на курсы биржевых брокеров. Я закончила их заочно, ежедневно выполняя задания по Интернет-учебнику и проходя тесты он-лайн.

Изучая один из вопросов, я наткнулась в Интернете на школу валютных трейдеров. Окончила заодно и её.

Семейных обязанностей у меня к этому времени уже практически не осталось по причине следующих обстоятельств.

Ещё ранней весной я продала дачу моего отца, полученную в наследство. И на вырученные деньги купила акции.

Только за первые два месяца участия в торгах на фондовом рынке я получила доход в двести девяносто семь и шесть десятых процента от суммы первоначального капитала.

По соглашению с банком я сама должна была выбирать, какие именно ценные бумаги и когда покупать и продавать. А банковский брокер честно и благородно совершал запланированные мной сделки.

Так ко мне пошли деньги – не просто достаточные суммы на текущие расходы, а реальные деньги, которые требовали внимания и тяготели к самовозрастанию.

Мне захотелось пройти обучение по базовому курсу рынка ценных бумаг и заняться созданием собственного инвестиционного портфеля.

Подведя торговый баланс за последний месяц, я удивилась его результатам. Прибыль была очень высокой практически по всем сделкам.

«Теперь у меня есть деньги. Много денег, на которые я могу купить всё, что захочу. Могу потратить их самым фантастическим способом», – такие мысли будоражили мою фантазию.

Вскоре я сделала обоснованный вывод, что банковский брокер мне больше не нужен и оформила на своё имя необходимые документы, в том числе и брокерскую лицензию для торговли на фондовом рынке.

Во время посещения банка менеджер по ценным бумагам не смог сдержать любопытства и поинтересовался параметрами моей торговой системы.

Я отчетливо видела зависть и алчный блеск в его глазах. Ответила честно, что никакой торговой системы у меня нет.

Не могла же я ему сказать, что прежде, чем начать работать в электронном фондовом рынке, я рисую человеческие лица, и, дождавшись волны наития, легко угадываю тренд. Его сардоническая улыбка и без того говорила о полном недоверии к моим словам.

Что греха таить, меня также несколько напрягало это обстоятельство. Торговать по наитию на рынке ценных бумаг могут только безумцы и гении, к числу которых я не принадлежу.

Как же в таком случае я вхожу в рынок и так эффективно открываю и закрываю позиции? Этого я не понимала.

Естественным продолжением моей преобразовательной деятельности стало увольнение с работы.

Это решение пришло внезапно и принесло радостное чув-

ство освобождения.

Совсем не работать я не могла и решила работать на себя.

Я купила дом в пригороде, а также хороший компьютер с программным обеспечением для дилинга. Правда, мне пришлось ограничить себя в размерах дома и стоимости его дизайна и оборудования. Моих средств на всё это пока ещё недоставало, поскольку дом я выбрала хоть и небольшой, но красивый. Поэтому пришлось взять и небольшой кредит.

Но дом стоил того – белый двухэтажный с зелёной крышей. Он выглядел как легкий парусник – волшебный корабль.

Строил его для себя начинающий архитектор, проявив при этом отменный вкус способности. Красота и удобство гармонично сочетались в этом творении.

Увидев его впервые, я сразу поняла, что это будет мой дом. Он создан для меня. И я его купила вместе с обстановкой.

Когда привыкаешь принимать решения и выполнять их, этот процесс доставляет удовольствие.

Теперь я жила одна и сама распоряжалась своим време-

нем, поскольку с начала лета мужская часть нашей семьи отправилась в круиз. А после этого осела до конца лета в Петербурге.

Эта идея, как ни странно, принадлежала мужу Михаилу, который уже давно привык себя считать человеком, насмерть замученным семейной жизнью, испившим чашу земных страданий до дна.

Его невозможно было ничем удивить. Если же что-то и могло показаться ему действительно удивительным – он этому просто не верил.

И в глубине души он очень жалел себя. Считал, что растратил жизненные силы на семью, на детей, пожертвовал всем, а жена не хочет на него молиться. Бросил бы – да куда пойдешь? Лучше закрыться свежей газетой, лежа на мягком диване в красивой пижаме. Но теперь он вдруг покинул свое лежбище.

А дети наши тоже не могли позволить себе откровенность со мной, потому что были мальчишками и готовились стать мужиками, которым теперь не след копаться в душе и размазывать нюни.

Все трое не выразили принципиальных возражений против предложенного Михаилом плана на лето.

А я приняла и особое предложение Михаила о том, чтобы ему с детьми лето прожить в Питере и осмотреть все его достопримечательности, так как они давно этого хотели.

Все же перед отъездом они, каждый по отдельности и в удобное для них время, объявили мне, что я плохая мама и жена.

Раньше бы я рыдала от обиды. А теперь я не стала заморачиваться и просто посоветовала найти кого-нибудь получше.

Миша обиделся, а мальчишки приняли новые правила и решили «отвязаться» как следует в Питере.

И вот у меня новое жилье.

Для поддержания его в порядке пришлось выступить в качестве работодателя, поскольку внимания и ухода требовала ещё и наша общая квартира, семейный очаг, так сказать.

Поэтому я наняла себе помощницу – женщину за пятьдесят по имени Ираида Яковлевна. Она говорила низким эротичным голосом, носила ухоженную прическу с малиновыми прядями и была одета с шиком, который мне никогда не давался.

Я не заметила, чтобы она уставала от работы. Могла де-

лать все, что угодно, часами, без отдыха, при этом напевая и сохраняя оптимистическое отношение к жизни.

Если к нам забредали случайные люди, то за хозяйку дома всегда принимали её. Против этого она не возражала.

Готовила пищу она просто и вкусно, и её блюда наводили меня на размышления о том, что именно означает умение хорошо готовить.

Обследовав моё жилище с садом и двором, расположенное на отшибе, она посоветовала нанять какого-нибудь мужчину для охраны усадьбы и уборки прилегающих к дому территорий.

Ещё, по её мнению, нам требовались садовник и шофер с машиной.

Но это уже целый штат получался. Для этого требовались стабильные доходы. Да и не для того я переселилась на окраину, чтобы заселять дом посторонними людьми.

Все же Ираида Яковлевна через несколько дней привела к нам в дом требующуюся штатную единицу.

Ею оказался крепкий коренастый мужчина неопределен-

ного возраста по имени Андрей Иванович. Он приехал на своей шевроле-ниве и, судя по всему, был деревенским жителем, не приученным привередничать.

Поэтому Ираида легко уговорила его совмещать обязанности сторожа, садовника, шофера и помощника по хозяйству за увеличенную плату с надбавкой за использование его личного авто для нужд хозяйки.

Время проходило в трудах незаметно. Так пролетел ещё месяц.

Примерно в это время пропал наш старый пёс Норд.

Его исчезновение обнаружила Ираида, увидев как-то утром, что вкусный ужин нашего престарелого гурмана остался нетронутым.

Она стала искать его в доме и во дворе, думая, что он заболел и где-то прячется.

Наконец, зайдя в мою комнату, она трагическим голосом объявила о пропаже собаки. И зарыдав, сказала, что это дурной, очень дурной знак.

Привлечённый её рыданиями Андрей Иванович появился в проеме распахнутого окна и выступил со своими умоза-

ключениями по поводу события:

– Никакой это не знак. Ваша собака была уже совсем старая и пошла издыхать. – После этих слов Ираида зарыдала ещё громче.

– Почему же он не захотел умирать дома? – патетически вопрошала она. – Разве ж мы к нему плохо относились?!

– Не в этом дело, – просто пояснил Андрей Иванович. – Очень старая скотина, если может, часто старается укрыться перед смертью с глаз людских.

– Так то скотина, а это собачка, – возмущалась Ираида, ловко перелезая через подоконник.

– Ну, спросишь её о причинах ухода, когда найдёшь, – посоветовал Андрей Иванович, ловко уворачиваясь от её деревянной скалки для теста.

Впрочем, этой скалкой она размахивала гораздо менее сноровисто, чем могла бы.

– Дерево ты этакое, лось деревенский, – ругалась она.

«Что-то уж очень они накоротке между собой общаются. И так быстро достигли консенсуса», – мелькнула у меня

мысль.

Прекратив их бурные прения, я велела Андрею Ивановичу вывести машину за ворота, и мы с ним проехали по близлежащим улицам в поисках собаки.

На наши расспросы встречных прохожих о том, не видели ли они крупного пятнистого дога, мы получили одни лишь отрицательные ответы.

Мы ещё раз обыскали дом и сад и окончательно убедились, что Норда нигде нет.

Это событие повергло меня в печаль. Мне представлялось, как худой и запущенный Норд где-то скитается по улицам города. От жалости у меня начались сердечные колики.

Истощавшие брошенные доги, эти величественные и благородные собаки, вызывают особенную жалость. На них очень тяжело смотреть в такой ситуации.

Новую собаку я решила не заводить, решив, что никакая другая собака не могла бы сравниться с нашим умным, бесстрашным и благородным псом.

Сидя в последующие дни за компьютером, я анализирова-

ла тренды, читала экономические прогнозы и считала прибыли и убытки, но помимо своей воли не раз отвлекалась от работы, слушая, как Ираида негромко причитает, передвигаясь по дому и двору.

Когда ей на глаза попадались пустые и намытые до последней степени чистоты миски Норда, её причитания усиливались.

Через открытое окно также доносились звуки жизни: стучал молотком возле забора или щелкал секатором в саду Андрей Иванович.

В такие моменты чувство одиночества, непрошенно вселившееся вместе со мной в новый дом, притуплялось.

Ручка снова оказывалась в моей руке. И на бумаге появлялись новые лица: симпатичный молодой человек с добрыми глазами – «искренне ваш Шурик» Людмилы Улицкой. Многозначное обаяние развитой приспособляемости.

С ним соседствовал смуглый мускулистый крепыш в тонких очёчках с короткими вьющимся волосами – не кто иной, как тот самый Т. Гарп, глазами которого изобразил мир Джон Ирвинг. Такой сложный и тонкий мир, основанный на противоборстве души и тела и их недостижимой гармо-

нии.

И ещё хорошенькая блондинка с восторженными карими глазами – пани Иоанна, конечно же, Хмелевская, умеющая, даже ругаясь, совершенно беззлобно смеяться над окружающим миром.

Что именно двигало мной в такие моменты, какая сила водила моей рукой – я не знаю. Но рисовать мне нравилось.

Суетные мысли оседали как листья после стихания ветра. Одиночество отпускало захват, а в голове воцарялась приятная ясность мышления.

Откуда оно вообще взялось, это чувство одиночества, – я не заметила. После увольнения с работы я вздохнула облегченно: десять лет работы в одной организации не оставили иллюзий о тесной дружбе с сослуживцами.

Казалось, никто из них не прошел испытания «на вшивость» и в критические минуты не остановился перед предательством, наушничеством, завистью, подлостью. Явных конфликтов у меня с ними не было, как не было и просто человеческого приятия.

Увольнение предполагало освобождение от вериг рути-

ны и условностей, начало новой интересной жизни, а вовсе не погружение в скуку и одиночество.

Так новая жизнь и завертелась. Но, как мне стало теперь казаться, на одном месте.

Мне явно было её мало, требовалось что-то ещё. Но что – я никак не могла определить. А может быть это не что-то, а кто-то?

Родственников у меня, кроме членов моей семьи, нет.

Вырастил меня отец, который пропал без вести пять лет назад после того, как уехал с друзьями на Ветлугу поохотиться.

Мне так и не удалось узнать, что с ним случилось на самом деле.

После безуспешных поисков было решено, что он заблудился в лесу либо провалился на Ветлуге под лёд и утонул.

Маму свою я почти не помню. Мне было два года, когда она ушла от отца и создала новую семью.

Она никогда не интересовалась, как мы живем. Не делала попыток увидеться.

Где и как она живет – я не имею ни малейшего представления.

Ни родственных чувств, ни какого-либо интереса эта особа у меня не вызывает. Я привыкла обходиться без неё.

Но почему же именно сейчас, когда не нужно ежедневно ходить на работу, заботиться о семье, а достаточно того, чтобы раз в три дня позвонить моим путешественникам, а всё остальное время заниматься любимыми делами, я почувствовала, что мне так скучно и не хватает общения?

Мне так тоскливо в этом мире, как будто я прожила уже сто сорок пять жизней и ничего нового меня не ждет.

При этом я остаюсь абсолютно спокойной, разум мой ясен и чист, как холодное высокогорное озеро. В этом озере остывали, уходя на дно все эмоции и житейские страсти-мордасти.

И только полное равнодушие к жизни и зелёная тоска толстым слоем покрывали поверхность хрустальных вод.

«Ничего-ничего, – хорохорилась я, – я ведь сильная женщина и переживу это. Правда, несколько удивительно, что асаны, которые я выполняю ежедневно по утрам, не спасают меня от приступов тоски».

За несколько месяцев практики асан я добилась такой растяжки, что мне стали доступны позы самой высокой сложности.

Но тоска меня всё поедала и иногда с хрустом.

Может быть, я что-то делаю не так? Посоветоваться можно только с Пятковым, теперь уже просто Олегом.

У него ведь масса познаний об этом и многолетний опыт. Да и вообще за все время нашего общения я не раз имела возможность убедиться в том, что он умный и приятный человек.

В ходе телефонного разговора с ним я, сама не знаю, как и для чего, рассказала ему о переменах в своей жизни и сомнениях в полезности асан. И вдруг почувствовала, что хочу с ним общаться, даже нуждаюсь в нём, и пригласила в гости.

Он ответил, что весьма занят, но выберет время и сообщит, когда сможет приехать.

Приятное чувство, возникшее после разговора с Пятковым, разбудило желание оказаться в кругу близких людей, общаться с ними.

Как будто из ниоткуда, пришло спонтанное решение отпраздновать свой приближающийся день рождения.

По гороскопу я Лев и очень чувствительна к актам выражения пиетета.

«Вместе с Ираидой Яковлевной мы ведь можем такой прием закатить! И это будет действительно прием на целый уикенд в загородном доме, поскольку мой день рождения выпал на пятницу», – воодушевившись, планировала я.

Идея так захватила меня, что я пошла осматривать свои комнаты и стала прикидывать, сколько гостей могу пригласить и как их разместить.

Мне представлялось, как они приедут в мой новый дом, пройдут по саду, зайдут в холл, поднимутся по лестнице, осмотрят дом и потом каждый будет препровожден в отдельную комнату, специально для него отведенную.

Таким образом, я смогу с комфортом разместить четверых гостей, ну, не более пяти человек.

Но кого же мне пригласить? Кто не вызовет у меня приступов гастрита?

Как я уже говорила, в общении я независимый человек,

поэтому меня не хватает на то, чтобы поддерживать устойчивые связи с друзьями – вовремя позвонить, встретиться, съездить вместе куда-нибудь. С годами отношения иссякают и, как правило, сходят на нет.

Поразмыслив, я решила, что пригласить на день рождения могу своих бывших сослуживцев – тех, с которыми я проработала много лет. А из их числа – тех, которых ещё смогу вынести. Ну, в том смысле, что смогу вытерпеть их общество.

Новое дело отвлекло меня от ежедневной работы за компьютером и бдения в рынке ценных бумаг, заставило забыть о скуке, поедавшей душу.

Призвав Ираиду, я стала развивать свои планы, которые она с энтузиазмом поддержала.

По части меню праздничного стола она оказалась на высоте и взялась купить продукты и приготовить все блюда, включая десерт.

На последующие дни меню также было составлено, и названия необходимых продуктов были внесены в список.

После этого я подсчитала бюджет приема и осталась им вполне удовлетворена – такие расходы я вполне могла себе позволить.

Да и тратить таким образом заработанные средства мне представлялось увлекательным и приятным.

Отправив Ираиду вместе с Андреем Ивановичем делать шопинг, я отдалась строительству дальнейших планов.

Пришло время определяться с кандидатурами гостей. Призадумавшись, я вспомнила всю нашу рабочую команду.

Методом исключения сформировала группу гостей из четырех человек: заместителя генерального директора, начальника отдела маркетинга и двух менеджеров. Двое мужчин и две женщины. Все они свободны от брачных уз.

Позвонив заместителю генерального директора Анатолию Королеву, я сообщила ему новость о приобретении загородного дома, желании показать бывшим сослуживцам покупку жилья и отпраздновать свой день рождения.

Любопытство к моему новому образу жизни заставило его, а также и других кандидатов, принять приглашение на прием.

До пятницы оставалось два дня – как раз столько, сколько требуется для нормальной организации мероприятия. Я с головой окунулась в водоворот дел.

Поздно вечером в четверг подготовка приема была завершена, и я, наконец, оказалась свободной от забот в своей спальне на втором этаже.

Это угловая комната, и окна её выходят на две стороны дома.

Закрывая жалюзи, я залюбовалась остатками заката, мерцающий свет которого высветил заброшенное поле за домом, очертания небольшой рощицы на золочёной полосе горизонта, кущи сада, окружающего дом и внушительного вида высокий забор, добросовестно отремонтированный и покрашенный нашим старательным Андреем Ивановичем.

От созерцания живой и неживой природы меня отвлек звонок телефона. Олег Пятков сообщил, что будет свободен завтра после обеда, и мы могли бы встретиться.

Я пригласила и его на день рождения, радуясь, что у меня будет такой интересный гость. Его звонок показался мне приятным совпадением.

Удобно расположив тело на роскошном постельном белье в своей плоской широкой кровати (без каких бы то ни было неполезных подушек), я расслабилась и легко уснула.

Олег приехал на следующий день после обеда. В подарок он привез мне новую книгу Алекс Брандинг и деревянные чётки. Их темное дерево издавало нежный сладковатый запах. Олег пояснил, что это сандал.

Подарок мне понравился, несмотря на то, что чётками я не пользуюсь и, вообще, люблю получать в подарок цветы.

Но я уже знала, что Олег в жизни придерживается йоговских правил ямы-ниямы. Поэтому срывать или срезать живые цветы просто, чтобы поставить их в вазу, считает не самым лучшим обычаем.

Полюбовавшись подарком, я решила, что чётки я сохраню на память о сегодняшнем дне, а книгу прочту с интересом, поскольку Алекс Брандинг, как автор, мне уже знакома и нравится.

Ираида Яковлевна проводила гостя в отведенную на первом этаже комнату. Он переоделся в легкий светлый костюм в стиле кэжьюалз и вышел на террасу.

Я отнесла подарки в свою комнату и присела за стол.

Удобная гелевая ручка так и прилипла к моей руке. А другая рука привычно потянулась за листком бумаги.

Раздумывая о том, что же мне сейчас надеть, я изобразила толстую негритянку в белом чепце и фартуке и узнала в ней

Мамушку, которая вырастила взбалмошную и своенравную Скарлетт, «унесённую ветром».

Добрая и рассудительная Мамушка, хоть и умела хорошо шнуровать корсеты, оказалась тут совершенно ни при чём. Время патриархальных отношений прошло.

Не оставив мне времени, чтобы полюбоваться на её неповторимый облик, ручка стала выписывать на листке новое лицо.

Оно оказалось круглым, с русыми усиками и живыми ясными глазами. Под усами этого молодого человека безуспешно пряталась белозубая улыбка.

Дорисовав галстук-бабочку, я узнала его. Иван Ильич Телегин, инженер, «ходивший по мукам» гражданской войны. Умел оставаться добрым и любящим в любых передрягах.

Оставив этот идеал мужчины в покое, ручка переместилась в самый низ листа бумаги и снова заскользила по ней.

Рисуя новое лицо, я даже представить не могла, что у меня выйдет на этот раз. Выходило нечто оригинальное: круглое лицо, редкие бесцветные волосы, несерьёзный нос картофельной формы, на котором непонятно как держалось пенсне с черным шелковым шнурком. Шеи почти не было, но этот недостаток успешно скрывал пышный шейный платок, концами уходивший в недра старинного сюртука.

Дорисовав, я легко опознала этого человека – мистер Пиквик, собственной персоной, прямо из диккенсовского века. Вполне серьёзен, но как смешон! Я не могла не улыбнуться, а моё настроение еще улучшилось.

Покончив с рисованием, я с воодушевлением принялась одеваться для послеобеденного общения с гостем.

Осмотрев себя в большом зеркале, отметила, что похудела и стала такой же стройной, как пять-десять лет назад.

Мне стала нравиться белая одежда, она давала приятное ощущение свободы и легкости.

Я извлекла из шкафа белое платьице из натурального шёлка и, облачившись в него, порадовалась изящным линиям фигуры.

Для завершения образа я надела бусы из красного жемчуга и влезла в белые босоножки из расшитой лакированной кожи.

Волосы я теперь носила длинные, давно потеряв интерес к стрижкам и укладкам.

И еще я перестала красить и колорировать волосы. Они

у меня оказались теперь пепельного цвета, о котором я и мечтать не могла, поскольку от природы с юности была русоволосой.

Выйдя на террасу, я предложила Олегу прогуляться по саду. Чувствуя себя прекрасной незнакомкой, я пошла впереди него по дорожкам сада.

– Неплохая усадьба у тебя! – улыбнулся он, оглядывая дом и сад. – Здорово ты изменила свою жизнь. И ты сама изменилась очень. Выглядишь молодой и здоровой. Это хорошо. – Тут меня как будто прорвало:

– Может быть, я и выгляжу так, но внутри у меня такие «тектонические сдвиги» пошли, что мне очень неуютно, тоскливо и одиноко здесь. Я даже жалею, что отправила свою семью на всё лето отдыхать. Кстати, они не знают о том, что я купила этот дом. Не могу заставить себя сообщить им. Мне чего-то не хватает для душевного равновесия, и я не понимаю – чего именно. Раньше мне казалось, что для жизненного благополучия вполне достаточно организованного быта и хороших доходов. Теперь у меня все это есть, но это так тоскливо. И йога не помогает, – откликнулась я. —

Даже в кратком изложении мой жизненный манифест, оказался чересчур объёмным и разнообразным по содержанию.

Но Олега это не оттолкнуло.

– И ты решила развлечься? Молодец, в решительности тебе не откажешь. А йога здесь ни при чём. Ты ведь ещё ничего не освоила из её правил. Только асаны делаешь. А надо меняться внутренне. Вот ты уже начинаешь меняться, а это болезненный процесс. Духовное пробуждение заставляет мыслить и жить совсем по-иному. И только опыт жизни может вызвать реальные перемены в привычках и характере человека. Так что ты стоишь на пороге испытаний. Но не пугайся, они будут тебе по силам, – спокойно продолжал он.

– Как это «не пугайся»? Ты такие вещи говоришь! «Болезненный процесс», «испытания», просто нехорошо делается, – насторожилась я.

– Не надо пугаться потому, что это будут испытания ради твоей же пользы, во благо тебе. Вот ты скажи, какие-нибудь особые изменения за время практики асан ты почувствовала? – он спокойно и доброжелательно смотрел мне в глаза, и у меня возникло чувство, что он видит меня насквозь.

Но это было приятное чувство, потому что я также могла следовать внутренним взором за ходом его мыслей, даже и тех, которые он не произносил вслух, оставляя в контексте.

– Разумеется, я почувствовала, что у меня развилась способность восприятия многих, недоступных мне раньше вещей. Стоит мне задуматься о чём-нибудь, как из глубины сознания выплывает точный и полный ответ на мои вопросы. Меня это даже напрягает. Я заработала на этот дом и участок, торгуя акциями и валютой на фондовом рынке. А ведь мой супруг Михаил много лет жизни подвизался там, но удача даже ни разу не посмотрела в его сторону. Он добротный профессионал по ценным бумагам, но заработал в общей сложности лишь высокую зарплату. А я, прекрасно понимая, что во многих отношениях являюсь в этом деле не только дилетантом, но и вообще профаном, почему-то принимаю правильные решения, которые дают большую прибыль.

– Да не переживай ты так, – сказав это, Олег положил тёплую и мягкую ладонь мне на предплечье. – Все очень просто: тебе это дано, а ему нет. Помолчав, он добавил:

– Но если ты будешь думать только о прибылях и убытках, ты потеряешь все заработанные деньги. Делись своими доходами с другими людьми, давай тем, кто действительно нуждается в этом и только тогда, когда чувствуешь внутреннюю потребность поделиться. Дары только тогда имеют смысл, когда отдаются искренне, то есть от души.

– А ещё я почему-то теперь часто рисую лица героев книг, которые я когда-то читала. Это у меня как-то само собой вы-

ходит. И в те моменты, когда я занимаюсь совершенно другим делом, – говоря это, я чувствовала себя девочкой, которой так требуется поделиться своими переживаниями с кем-нибудь взрослым.

– А раньше когда-нибудь ты рисовала? – заинтересовался он.

– Рисовала в детстве. И то акварелью. В основном пейзажи. А теперь мне требуется рисовать ручкой, лучше гелевой, и только человеческие лица, в которых я узнаю литературных персонажей.

– И что тебя напрягает в этом?

– В том-то и дело, что ничего. Желание рисовать настигает меня спонтанно. Но мне не понятно с чем это связано и откуда берутся эти ассоциации.

– Как это откуда? – удивился он. – Всё оттуда – и он указал пальцем вверх.

– С неба, что ли? – ахнула я. – Не может быть. Это ведь не жившие когда-либо люди, а литературные персонажи, результаты творческой фантазии людей. Мне кажется, что они не из космоса приходят, а из дальних, забытых отсеков мо-

его сознания. – Взглянув на него, я успела заметить следы улыбки на его лице. Хотела обидеться, но было так интересно, что я проигнорировала этот факт.

– А сознание твое разве не связано с теми высшими силами? – и он снова указал наверх.

– Не знаю, – слегка растерялась я. – Да и как мне понимать смысл и взаимосвязь образов, которые у меня выходят на бумаге?

– Не парься из-за этого. Наступит момент истины, и ты всё поймёшь, что к чему. А я знаю точно, что просто так ничего не случается. Всё есть Божий промысел. И нас по жизни ведёт высшая сила. Но вообще-то, я думаю, что за рисованием лиц, ты занимаешься созерцанием. И теперь ты уже легко входишь в это состояние, что говорит о том, что ты здорово продвинулась вперёд по пути совершенствования. Ты просто стала другим человеком за то время, пока мы с тобой знакомы. Я восхищен. Ты такая молодец!

– Все равно мне страшно, Олег. Осилю ли я этот путь духовного совершенствования? – Мне прямо-таки требовалось выложить хоть кому-нибудь всё, что у меня собралось внутри за последние месяцы.

– Осилишь столько, сколько сможешь. Главное, что ты начинаешь понимать, что у тебя есть путь. Ищи его и торь, – спокойно говорил он, а его темные блестящие глаза притягивали меня как магнит.

Но он смотрел на меня не как мужчина на желанную женщину, а как учитель на ученицу. Я почувствовала, как это «заводит» меня. Так не хотелось быть всего лишь ученицей. Утонув в его глазах, я безмолвно возразила: «Неужели только ученица?».

Он понял меня, но ничего не ответил.

Двигаясь по узкой дорожке между клумбой с цветами и скамейкой для отдыха, он обогнал меня и прошел вперед.

Посмотрев на его широкие плечи, сильную шею, легкие и уверенные движения, я подумала, что он весьма привлекательный мужчина, чего я раньше совсем не заметила.

Не помню уже, когда у нас с Михаилом были сексуальные отношения. А я ведь не офисная мебель, а женщина. И у меня кроме Олега, больше нет таких приятных во всех отношениях собеседников-мужчин.

– Олег, ты говоришь, что у меня есть свой путь и надо его

увидеть. Но как это сделать? – вернулась я к нашему разговору, отбросив на время мысли о телесных удовольствиях.

– Есть только один способ – жить сейчас, сегодня, так, как будто это единственный день, отведенный тебе, – помолчав некоторое время и обдумывая свои слова, произнес он. – Живи, совершай поступки, которые ты хочешь совершать, узнавая в этом опыте себя. И когда ты поймешь, кто ты, станет видно, что именно надо изменить в себе и куда двигаться дальше. Ведь твое сознание уже очищается от наносов прожитых лет. Если прибегать к образам, чтобы было понятнее, то можно сказать, что твой мозг сейчас проходит сканирование на наличие ошибок и вирусов.

Мне безумно хотелось задать ему ещё десятка два вопросов. Но я задала всего один:

– Как ты можешь так просто говорить о таких сложных вещах? Настолько просто, что я с лёгкостью понимаю то, что мне раньше казалось неразрешимой загадкой мироздания?

– Не знаю. Просто я стараюсь никого не обижать, говорить ясно, самое существенное, без суесловия. Эта способность пришла ко мне в ходе следования йоге.

Вернувшись к настоящему, я рассказала ему о гостях, которые приедут сегодня вечером, о том, что прием продлится

до вечера воскресенья.

Он ответил, что, вряд ли сможет столько дней гостить у меня, но это только планы, а жизнь покажет, как нужно поступить.

Остаток дня мы провели, занимаясь каждый своими делами.

Ираида подала на террасу грибной суп со сметаной и зеленью, салат из кальмаров с яблоками, запечённого лосося с овощами и морс из свежих ягод. И мы отдали должное её кулинарному таланту.

После обеда я занималась сервировкой праздничного стола и выбором вечернего туалета.

Эти дела не отвлекали меня от мыслей о нашем разговоре с Олегом.

В итоге я пришла к неожиданному для себя выводу – мне хочется флирта, лёгкого и пьянящего, хочется восхищённых взглядов и желания в глазах и действиях мужчины, да просто хорошего секса, наконец.

Вспомнив о Михаиле, я невольно поморщилась и вздохнула.

Но появление серебристо-голубого «Ауди» Толика Королева с экипажем гостей не застало меня врасплох. Я встретила их в полной готовности и как могла радушно.

II

За полгода, прошедшие со дня увольнения, мои бывшие коллеги мало изменились.

Анатолий Королёв, как и раньше, смотрелся голливудской звездой среднего возраста. Он напоминал Клинта Иствуда в лучшие годы, но отличался от него ещё более высоким ростом и обширной сверкающей лысиной на продолговатом черепе, которая его совсем не портила.

Более того, лысина ему очень шла, и была фирменным знаком, органично вписываясь в дизайн внешнего вида.

Высокий лоб, отступившие перед его величием гладкие с лёгкой проседью и стильно подстриженные волосы, выразительные серые глаза с пушистыми загнутыми вверх ресницами, белоснежная рубашка с красивым галстуком и дорогой модный костюм делали из него персону, которая могла на первый взгляд понравиться интеллектуалам, эстетам и прочей требовательной публике, а женщинам – безусловно, и не только на первый взгляд.

Толик блистал хорошими манерами, поэтому вручил мне дорогой букет от флориста и поцеловал руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.